

жеманница, миловидница, миловидка, красовитка, хорошуха и казотка. Возьмем и отвлеченное понятие, напр. индивидуальность — самость; эгоизм — самотность, самотство, самовщина.

Хотите или нет атмосферу называть мирокблицею и колозэмлицею, это ваша воля; но инстинкт, по нерусскому звуку и двойному набору трех, не произносимых вкупе русскою гортанью, согласных, должен бы замениться побудком, как говорят на севере, или побудкою, по восточному говору. Инстинкт можно выговорить только западным произношением букв и, к, т, то есть кончиком языка, а наше, полное, гортанное произношение такого слова не принимает. Есть ли смысл в этом, навязывать земле, целому народу слова, которых он, не наломав смолоду языка на чужой лад, никак выговорить не может? Гуманно и либерально ли это? Чем свечник хуже кандеабра? чем истинник не капитал, противень не антипод, сладоежка, сладник, сладена, солощавый не гурман? Почему бы портьера не полсть, полстина, запбн, завес или завесь, или не дверницы? Чем этаж лучше яруса, жилья, связи? Для чего мы переводим карликовая береза, что называется сланкою, сланцем, ёрником? Почему фиолетовый лучше синеалого, а ранжевый — жаркова? Чем диагональ лучше облони? Долонь — это прямая, связывающая два угла накось. Почему эклиптика не солнопутье? Для чего эо, несклоняемое и потому нам несродное, вытеснило не только отклик и отголбсок, но даже отгул и голк? Шум или гул — это гблка, а отклик гблки — голк. Для чего все ученые лесничие наши пишут штаб, а инженеры дамба, искажая немецкие слова, будто стыдяся писать: гать, плотина, гребля, запруда, займ, изгнав также необходимые родные слова: гблень дерева, лесина, голбмя и голбмень? Голбмень именно немецкое шам, цельный пень, лесина дерева, на сколько его идет, за очисткою, в бревно. Для чего ученые наши говорят: ложные солнца, когда это пбсолнца, которые бывают, смотря по виду: столбы, коромысла, уши и проч. Для чего врачи сочинили скороговорку: грудобрюшная преграда (курил турка трубку, клевала курка крупку!), когда ее зовут подвздошною блоною, гусаковою, либо утробною перепонкою, или гусачихой, гусачиною, от гусака, ливера, лежащего на ней и под нею?

Серьезный нельзя перевести. Одним словом, отвечающим всем значениям, нельзя, как нельзя прибрать, для перевода рсшеит, русского слова, которое бы означало и рыбака, и грешника. Но разве это недостаток языка? Напротив, там скудость заставляет придавать одному слову десять значений. Укажите мне пример, где бы, вместо серьезный, нельзя было сказать: чинный, степенный, дельный, деловой, внимательный, озабоченный, занятой, думный, думчивый, важный, величавый, строгий, настойчивый, решительный, резкий, сухой, суровый, пасмурный, сумрачный, угрюмый, насупистый, нешуточный; нешутя, поделу, взабыль, и прочее, и проч. Можно бы насчитать и еще с десяток слов; если же вы найдете, что все они не годятся, то я волен буду думать, что вы связаны с нерусскими словами одною только силою привычки и потому неохотно с ними расстаются. А на привычку есть отвычка, на обык перевык. Наконец, скажу вам еще тайну: думайте, мыслите по-русски, когда пишете, и вы не полезете во французский словарь: достанет и своего; а доколе вы будете мыслить, во время письма, на языке той книги, которую вы последне читали, дотоле вам неостанет никаких русских слов, и ни одно не выскажет того, что вы сказать хотите. Переварите то, что вы читали, претворите пищу эту в особь свою, тогда только вы станете писать по-русски.

Испещрение речи иноземными словами (не говорю о складе, оборотах речи, хотя это не менее важно: теперь мы беседуем о словаре) вошло у нас в поголовный обычай, а многие даже щеголяют этим, почитая русское слово, до времени, каким-то неизбежным худом, каким-то затоптанным половиком, рогожей, которую надо усыпать цветами иной почвы, чтобы порядочному человеку можно было по ней пройти.

Не стану поминать о субъективности и объективности, но ведь дошло до того, что у нас печатают газон и кадавер; а муравя, дерн, злбчник, и покойник, мертвое тело, мертвец, труп и прочее, видно уж не годятся. Таким образом, всему пишущему, а только читающему населению России скоро придется покинуть свой родной язык вовсе и выучиться, заместо того, пяти другим языкам: читая доморощенное, надо мысленно переключивать все слова на западные буквы, чтобы только добраться до смысла: ведь это цифирное письмо!

Но и этого мало; мы, наконец, так чистоплотны, что хотим изгнать из слов этих всякий русский звук и сохранить их всецело в том виде, в каком они произносятся нерусскою гортанью. Такое чванство невы-